

Т. Ливий

**История Рима от основания
Города**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 **Т. Ливий**
История Рима от основания Города: Том 2 / Т. Ливий – М.: Книга по Требова-
нию, 2020. – 530 с.

ISBN 978-5-519-69429-2

Тит Ливий - одно из значительнейших имен в литературе так называемого золотого века Древнего Рима. Однако прежде всего с именем этого автора связан его гигантский, эпохальный научный труд «История Рима от основания Города» произведение, сравнимое по исторической и историографической ценности лишь с «Историей» Геродота и «Жизнью двенадцати цезарей» Светония.

ISBN 978-5-519-69429-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТИТ ЛИВИЙ

ИСТОРИЯ РИМА
ОТ ОСНОВАНИЯ
ГОРОДА

ТОМ

II

Перевод
Ф. Ф. ЗЕЛИНСКОГО (кн. XXI) и М. Е. СЕРГЕЕНКО

Редактор перевода и комментариев
В. М. СМИРИН

Ответственный редактор
Е. С. ГОЛУБЦОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО 'НАУКА'

МОСКВА • 1991

ББК 63.3(0)3
Л55

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

К. З. Ашрафян, Г. М. Бонгард-Левин, В. И. Буганов (зам. председателя),
Е. С. Голубцова, С. С. Дмитриев, В. А. Дунаевский, В. А. Дьяков,
М. П. Ирошников, Г. С. Кучеренко, Г. Г. Литаврин,
А. П. Новосельцев, А. В. Подосинов (ученый секретарь), *Л. Н. Пушкарев,*
В. И. Рутенбург, А. М. Самсонов (председатель), *В. А. Тишков,*
Э. В. Удальцова (зам. председателя)

Рецензенты:
Л. П. МАРИНОВИЧ, А. Ч. КОЗАРЖЕВСКИЙ

Л $\frac{0503010000-276}{042(02)-91}$ Подписное

ISBN 5-02-008951-6

© Издательство «Наука», 1991

КНИГА XXI

1. (1) Нижеследующую часть моего труда я могу начать теми же словами, которые многие писатели предпосылали целым сочинениям: я приступаю к описанию самой замечательной из войн всех времен¹ — войны карфагенян под начальством Ганнибала с римским народом². (2) Никогда еще не сражались между собою более могущественные государства и народы, никогда сражающиеся не стояли на более высокой ступени развития своих сил и своего могущества. Не могли они пускать в ход неведомые противникам приемы военного искусства, так как обе стороны познакомились одна с другой в Первую Пуническую войну³; а до какой степени было изменчиво счастье войны и непостоянен исход сражений, видно уже из того, что гибель была наиболее близка именно к тем, которые вышли победителями⁴. (3) Но ненависть, с которой они сражались, была едва ли не выше самих сил: римляне были возмущены дерзостью побежденных, по собственному почину подымавших оружие против победителей; пунийцы — надменностью и жадностью, с которой победители, по их мнению, злоупотребляли своей властью над побежденными. (4) Рассказывают даже, что когда Гамилькар⁵, окончив Африканскую войну⁶, собирался переправить войско в Испанию⁷ и приносил по этому случаю жертву богам, то его девятилетний сын Ганнибал, по-детски ласкаясь, стал просить отца взять его с собой; тогда, говорят, Гамилькар велел ему подойти к жертвеннику и, коснувшись его рукой, произнести клятву, что он будет врагом римского народа, как только это ему позволит возраст⁸.

(5) Гордую душу Газдрубала терзала мысль о потере Сицилии и Сардинии: карфагеняне, полагал он, уж слишком поторопились в припадке малодушия отдать врагу Сицилию⁹; что же касается Сардинии, то римляне захватили ее обманом, благодаря африканским смутам, наложив сверх того еще дань на побежденных.

2. (1) Под гнетом этих тяжелых дум он в пять лет¹⁰ окончил Африканскую войну, разразившуюся вслед за заключением мира с римлянами, а затем в течение девяти лет¹¹ расширял пределы пунийского владычества в Испании; (2) ясно было, что он задумал войну гораздо значительнее той, которую вел, и что, если бы он прожил дольше, пунийцы еще под знаменами Гамилькара совершили бы то нашествие на Италию, которое им сужде-

но было осуществить при Ганнибале. (3) К счастью, смерть Гамилькара и юный возраст Ганнибала¹² принудили карфагенян отложить войну.

Промежуток между отцом и сыном занял Газдрубал, в течение приблизительно восьми лет¹³ пользовавшийся верховной властью. Сначала, говорят, он понравился Гамилькару своей красотой¹⁴, (4) но позже сделался его зятем¹⁵, конечно, уже за другие, душевные свои свойства; располагая же в качестве его зятя влиянием Баркидов¹⁶, очень внушительным среди воинов и простого народа, он был утвержден в верховной власти вопреки желанию первых людей государства. (5) Действуя чаще умом, чем силой, он заключал союзы гостеприимства с царьками и, пользуясь дружбой вождей, привлекал новые племена на свою сторону; такими-то средствами, а не войной и набегами, умножал он могущество Карфагена. (6) Но его миролюбие нимало не способствовало его личной безопасности. Кто-то из варваров, озлобленный казнью своего господина, убил Газдрубала на глазах у всех, а затем дал схватить себя окружающим с таким радостным лицом, как будто избежал опасности; даже когда на пытке разрывали его тело, радость превозмогала в нем боль и он сохранял такое выражение лица, что казалось, будто он смеется. (7) Вот с этим-то Газдрубалом, видя его замечательные способности возмущать племена и приводить их под свою власть, римский народ возобновил союз¹⁷ под условием, чтобы река Ибер служила границей между областями, подвластными тому и другому народу, сагунтийцы¹⁸ же, обитавшие посредине, сохраняли полную независимость.

3. (1) Относительно преемника Газдрубала никаких сомнений быть не могло. Тотчас после его смерти воины по собственному почину понесли молодого Ганнибала в палатку главнокомандующего и провозгласили полководцем; этот выбор был встречен громкими сочувственными возгласами всех присутствующих, и народ впоследствии одобрил его.

(2) Газдрубал пригласил Ганнибала к себе в Испанию письмом¹⁹, когда он едва достиг зрелого возраста, и об этом был возбужден вопрос даже в сенате²⁰. Баркиды домогались утвердительного его решения, желая, чтобы Ганнибал привык к военному делу и со временем унаследовал отцовское могущество; (3) но Ганнон, глава противного стана²¹, сказал: «Требование Газдрубала, на мой взгляд, справедливо; однако я полагаю, что исполнить его не следует». (4) Когда же эти странные слова возбудили всеобщее удивление и все устремили свои взоры на него, он продолжал: «Газдрубал, который некогда сам предоставил отцу Ганнибала наслаждаться цветом его нежного возраста, считает себя вправе требовать той же услуги от его сына. Но нам несколько не подобает посылать нашу молодежь, чтобы она, под видом приготовления к военному делу, служила похоти воена-

чальников. (5) Или, быть может, мы боимся, как бы сын Гамилькара не познакомился слишком поздно с соблазном неограниченной власти, с блеском отцовского царства²²? Боимся, как бы мы не сделали слишком поздно рабами сына того царя, который оставил наши войска в наследство своему зятю? (6) Я требую, чтобы мы удержали этого юношу здесь, чтобы он, подчиняясь законам, повинаясь должностным лицам, учился жить на разных правах с прочими; в противном случае это небольшое пламя может зажечь огромный пожар».

4. (1) Меньшинство, то есть почти вся знать, согласилось с ним; но, как это обыкновенно бывает, большая часть восторжествовала над лучшей. Итак, Ганнибал был послан в Испанию. Одним своим появлением он обратил на себя взоры всего войска. (2) Старым воинам показалось, что к ним вернулся Гамилькар, каким он был в лучшие свои годы: то же мощное слово, тот же повелительный взгляд, то же выражение, те же черты лица! Но Ганнибал вскоре достиг того, что его сходство с отцом сделалось наименее значительным из качеств, которые располагали к нему воинов. (3) Никогда еще душа одного и того же человека не была так равномерно приспособлена к обеим, столь разнородным обязанностям — повелению и повиновению; и поэтому трудно было различить, кто им более дорожил — полководец или войско. (4) Никого Газдрубал не назначал охотнее начальником отряда, которому поручалось дело, требующее отваги и стойкости; но и воины ни под чьим начальством не были более уверены в себе и более храбры. (5) Насколько он был смел, бросаясь в опасность, настолько же бывал осмотрителен в самой опасности. Не было такого труда, от которого бы он уставал телом или падал духом. (6) И зной, и мороз он переносил с равным терпением; ел и пил ровно столько, сколько требовала природа, а не ради удовольствия; выбирал время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь — (7) покою уделял лишь те часы, которые у него оставались свободными от трудов; при том он не пользовался мягкой постелью и не требовал тишины, чтобы легче заснуть; часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спит на голой земле среди караульных или часовых. (8) Одеждой он ничуть не отличался от ровесников; только по вооружению да по коню его можно было узнать. Как в коннице, так и в пехоте он далеко оставлял за собою прочих; первым устремлялся в бой, последним оставлял поле сражения. (9) Но в одинаковой мере с этими высокими достоинствами обладал он и ужасными пороками. Его жестокость доходила до бесчеловечности, его вероломство превосходило даже пресловутое пунийское вероломство²³. Он не знал ни правды, ни добродетели, не боялся богов, не соблюдал клятвы, не уважал святынь. Будучи одарен этими хорошими и дурными качествами, он в течение своей трехлетней службы под начальством Газдрубала с величайшим

рвением исполнял все, присматривался ко всему, что могло развить в нем свойства великого полководца.

5. (1) Но вернемся к начатому рассказу. Со дня своего избрания полководцем Ганнибал действовал так, как будто ему назначили провинцией²⁴ Италию и поручили вести войну с Римом. Не желая откладывать свое предприятие,— (2) он боялся, что и сам, если будет медлить, может пасть жертвой какого-нибудь несчастного случая, подобно своему отцу, Гамилькару, и затем Газдрубалу,— он решился пойти войной на Сагунт. (3) Зная, однако, что нападением на этот город он неминуемо вызовет войну с Римом, он повел сначала свое войско в землю олькадов²⁵, которые жили по ту сторону Ибера, но, хоть и находились в пределах владычества карфагенян, власти их не признавали: он хотел, чтобы создалось впечатление, будто он и не думал о захвате Сагунта, но самый ход событий и вызванная покорением соседних народов необходимость объединить свои владения втянули его в войну. (4) Взяв приступом богатую Карталу, столицу олькадов, и разграбив ее, он нагнал такой страх на более мелкие племена, что они согласились платить дань и приняли карфагенское подданство. После этого он отвел свое победоносное войско с богатой добычей в Новый Карфаген²⁶ на зимние квартиры. (5) Там он щедро разделил между воинами добычу и заплатил им честно все жалованье за истекший год. Укрепив этим образом действий расположение к себе всего войска, как карфагенских граждан, так и союзников²⁷, он с наступлением весны двинулся еще дальше, в страну вакцеев²⁸. Их главными городами, Германдикой и Арбокалой, он завладел силой, причем, однако, (6) Арбокала долго защищалась благодаря и мужеству и численности горожан. (7) Между тем спасшиеся бегством жители Германдики, соединившись с изгнанниками из олькадов, покоренного предыдущим летом племени, (8) побудили к восстанию карпетанов²⁹, и когда Ганнибал возвращался из страны вакцеев, то они напали на него недалеко от реки Тага и привели в замешательство его войско, отягченное добычей. (9) Но Ганнибал уклонился от боя, разбивши лагерь на самом берегу; когда же наступила ночь и на стоянке врага водворилась тишина, он переправился через реку вброд и вновь укрепился — таким образом, чтобы враги, в свою очередь, свободно могли пройти на левый берег: Ганнибал решил напасть на них во время переправы. (10) Всадникам своим он приказал, лишь только они завидят полчища неприятелей в воде, броситься на них, пользуясь их затруднительным положением; на берегу он расположил своих слонов, числом сорок. (11) Карпетанов со вспомогательными отрядами олькадов и вакцеев было сто тысяч — сила непобедимая, если сразиться с ней в открытом поле. (12) Они были по природе смелы, а сознание численного превосходства еще увеличивало их самоуверенность; полагая поэтому, что враг отступил пред ними из страха и что

только река, разделяющая противников, замедляет победу, они подняли крик и вразброд, где кому было ближе, кинулись в быстрину, не слушаясь ничьих приказаний. (13) Вдруг с противного берега устремилась в реку несметная конная рать, и на самой середине русла произошла стычка при далеко не равных условиях: (14) пехотинец и без того едва мог стоять и даже на мелком месте насилу перебирал ногами, так что и безоружный всадник нечаянным толчком лошади мог сбить его с ног; всадник, напротив, свободно располагал и оружием, и собственным телом, сидя на коне, уверенно двигавшемся даже среди пучины, и мог поэтому поражать и далеких, и близких. (15) Многих поглотила река; других течение занесло к неприятелю, где их раздавили слоны. (16) Тем, которые вошли в воду последними, легче было вернуться к своему берегу; но, пока они из разных мест, куда занес их страх, собирались в одну кучу, Ганнибал, не дав им опомниться, выстроил свою пехоту, повел ее через реку и прогнал их с берега. Затем он пошел опустошать их поля и в течение немногих дней заставил и карпетанов подчиниться. (17) И вот уже вся земля по ту сторону Ибера была во власти карфагенян за исключением одного только Сагунта.

6. (1) С Сагунтом войны еще не было, но Ганнибал, желая создать предлог для вооруженного вмешательства, уже сеял раздоры между горожанами и соседними племенами, главным образом турдетанами³⁰. (2) А так как виновник ссоры предлагал свои услуги и в качестве третейского судьи и было ясно, что ищет он не правосудия, а насилия, то сагунтийцы отправили послов в Рим просить помощи для неизбежной уже войны. (3) Консулами были тогда в Риме Публий Корнелий Сципион и Тиберий Семпроний Лонг [218 г.]³¹. Они представили послов сенату и сделали доклад о положении государства; решено было направить посольство в Испанию для рассмотрения дел союзников, (4) представив послам, если они сочтут это уместным, объявить Ганнибалу, чтобы он воздерживался от нападения на Сагунт, как союзный с римским народом город, а затем переправиться в Африку, в Карфаген, и доложить там о жалобах союзников римского народа. (5) Не успели еще послы оставить Рим, как уже прибыло известие — раньше, чем кто-либо мог ожидать, — что осада Сагунта началась. (6) Тогда дело было доложено сенату вторично. Одни требовали, чтобы Испания и Африка были назначены провинциями консулам и чтобы Рим начал войну и на суше, и на море; другие — чтобы вся война была обращена против Испании и Ганнибала. (7) Но раздались и голоса, что подобное дело нельзя затевать так опрометчиво, что следует обождать, какой ответ принесут послы из Испании. (8) Это мнение показалось самым благоразумным и одержало верх; тем скорее послы Публий Валерий Флакк и Квинт Бебий Тамфил были отправлены в Сагунт к Ганнибалу. В случае, если бы Ганнибал не прекратил военных

действий, они должны были оттуда проследовать в Карфаген и потребовать выдачи самого полководца для наказания за нарушение договора.

7. (1) Но пока в Риме занимались этими приготовлениями и совещаниями, Сагунт уже подвергся крайне ожесточенной осаде³². (2) Это был самый богатый из всех городов по ту сторону Ибера, расположенный на расстоянии приблизительно одной мили от моря. Основатели его были родом, говорят, из Закинфа³³; к их дружине присоединились и некоторые рутулы³⁴ из Ардеи. (3) В скором времени город значительно разбогател, благодаря выгодной морской торговле, плодородию местности, быстрому росту населения, а также и строгости нравов; лучшее доказательство последней — верность, которую они хранили союзникам до самой гибели. (4) Ганнибал, вторгнувшись с войском в их пределы, опустошил, насколько мог, их поля и затем, разделив свои силы на три части, двинулся к самому городу. (5) Его стена одним углом выходила на долину более ровную и открытую, чем остальные окрестности; против этого угла решил он напирать осадные навесы, чтобы с их помощью подвести к стене таран³⁵. (6) Издали действительно местность показалась достаточно удобной, но, как только надо было пустить в ход навесы, дело пошло очень неудачно. (7) Возвышалась огромных размеров башня, да и стена ввиду ненадежности самой местности была возведена на большую против остального ее протяжения высоту; к тому же и отборные воины оказывали наиболее деятельное сопротивление именно там, откуда всего больше грозили страх и опасность. (8) На первых порах защитники ограничились тем, что стрельбою держали врага на известном расстоянии и не давали ему соорудить никакого мало-мальски надежного окопа; но со временем стрелы стали уже сверкать не только со стен и башен — у осаждаемых хватило духу делать вылазки против неприятельских караулов и осадных сооружений. (9) В этих беспорядочных стычках падало обыкновенно отнюдь не меньше карфагян, чем сагунтийцев. (10) Когда же сам Ганнибал, неосторожно приблизившийся к стене, был тяжело ранен дротиком в бедро и упал, кругом распространилось такое смятение и такая тревога, что навесы и осадные работы едва не были брошены.

8. (1) Отказавшись пока от приступа, карфагеняне несколько дней довольствовались одной осадой города, чтобы дать ране полководца зажить. В это время сражений не происходило, но с той и с другой стороны безостановочно работали над окопами и укреплениями. (2) Поэтому, когда вновь приступили к военным действиям, борьба была еще ожесточеннее; а так как кое-где земляные работы не были возможны, осадные навесы и тараны продвинули во многих местах одновременно. На стороне пунийцев было значительное численное превосходство — (3) по достоверным сведениям, их было под оружием до полутора ста ты-

сяч,— (4) горожане же, будучи принуждены разделить на много частей, чтобы наблюдать за всем и всюду принимать меры предосторожности, чувствовали недостаток в людях. (5) И вот тараны ударили в стены; вскоре там и сям началось разрушение; вдруг сплошные развалины одной части укреплений обнажили город — обрушились с оглушительным треском три башни подряд и вся стена между ними. (6) Пунийцы подумали было, что их падение решило взятие города; но вместо того обе стороны бросились через пролом вперед, в битву, с такой яростью, как будто стена до тех пор служила оплотом для обеих. (7) Вдобавок эта битва ничуть не походила на те беспорядочные стычки, какие обыкновенно происходят при осадах городов, когда выбор времени зависит от расчетов одной только стороны. Воины выстроились надлежащим образом в ряды среди развалин стен на узкой площади, отделяющей одну линию домов от другой, словно на открытом поле. (8) Одних воодушевляла надежда, других отчаяние; Пуниец думал, что город, собственно, уже взят и что ему остается только немного поднатужиться; сагунтийцы помнили, что стен уже не стало и что их грудь — единственный оплот беспомощной и незащитной родины, и никто из них не отступал, чтобы оставленное ими место не было занято врагом. (9) И чем больше было ожесточение сражающихся, чем гуще их ряды, тем больше было ран: так как промежутков не было, то каждое копьё попадало или в человека, или в его щит. (10) А копьем сагунтийцев была фаларика³⁹ с круглым сосновым древком; только близ железного наконечника древко было четырехгранным, как у дротика; эта часть обертывалась паклей и смазывалась смолой. (11) Наконечник был длиною в три фута и мог вместе со щитом пронзить и человека. Но и помимо того, фаларика была ужасным оружием даже в тех случаях, когда оставалась в щите и не касалась тела: (12) среднюю ее часть зажигали, прежде чем метать, и загоревшийся огонь разрастался в силу самого движения; таким образом воин был принужден бросать свой щит и встречать следующие удары открытою грудью.

9. (1) Исход сражения долгое время оставался неясен; вследствие этого сагунтийцы, видя неожиданный успех своего сопротивления, воспрянули духом, и Пуниец, не сумевший довершить свою победу, показался им как бы уже побежденным. (2) И вот горожане внезапно поднимают крик, отгоняют врага к развалинам стен, затем, пользуясь его стесненным положением и малодушием, выбивают его оттуда и, наконец, в стремительном бегстве гонят до самого лагеря. (3) Тем временем Гангибала извещают о прибытии римского посольства. Он посылает к морю людей и велит сказать послам, что для них доступ к нему среди мечей и копий стольких необузданных племен небезопасен, сам же он в столь опасном положении не считает возможным их принять. (4) Было, однако, ясно, что, не будучи допущены к нему, они

тотчас же отправятся в Карфаген. Поэтому Ганнибал отправил к вожакам Баркидов гонцов с письмами, в которых приглашал их подготовить друзей к предстоящим событиям, чтобы противники не имели возможности сделать какие бы то ни было уступки Риму.

10. (1) По этой причине и вторая часть миссии римских послов оказалась столь же тщетной и безуспешной; вся разница состояла в том, что их все-таки приняли и выслушали. (2) Один только Ганнон выступил защитником договора, имея против себя весь сенат; (3) благодаря уважению, которым он пользовался, его речь была выслушана в глубоком молчании. Взывая к богам, посредникам и свидетелям договоров, он заклинал сенат не возбуждать вместе с сагунтийской войной войны с Римом. (4) «Я заранее предостерегал вас,— сказал он,— не посылать к войску отродья Гамилькара. Дух этого человека не находит покоя в могиле, и его беспокойство сообщается сыну; не прекратятся покушения против договоров с римлянами, пока будет в живых хоть один наследник крови и имени Барки. Но вы отправили к войскам юношу, пылающего страстным желанием завладеть царской властью³⁷ и видящего только одно средство к тому — разжигать одну войну за другой, чтобы постоянно окружать себя оружием и легионами. Вы дали пищу пламени, вы своей рукой запалили тот пожар, в котором вам суждено погибнуть. (5) Теперь ваши войска вопреки договору осаждают Сагунт; вскоре Карфаген будет осажден римскими легионами под предводительством тех самых богов, которые и в прошлую войну дали им наказать нарушителей договора³⁸. (6) Неужели вы не знаете врага, не знаете самих себя, не знаете счастья обоих народов? Ваш бесподобный главнокомандующий не пустил в свой лагерь послов, которые от имени наших союзников пришли заступиться за наших же союзников; право народов для него, как видно, не существует. Они же, будучи изгнаны из того места, куда принято допускать даже послов врага, пришли к ним; опираясь на договор, они требуют удовлетворения. Они требуют выдачи одного только виновника, не возлагая ответственности за преступление на все наше государство. (7) Но чем мягче и сдержаннее они начинают, тем настойчивее, боюсь я, и строже будут действовать, начавши. Подумайте об Эгатских островах и об Эрике³⁹, подумайте о том, что вы претерпели на суше и на море в продолжение двадцати четырех лет⁴⁰! (8) А вождем ведь был тогда не ваш молодец, а его отец, сам Гамилькар, второй Марс⁴¹, как эти люди его называют. Но мы полатились за то, что вопреки договору покусились на Тарент⁴², на итальянский Тарент, точно так же как теперь мы покушаемся на Сагунт. (9) Боги победили людей; вопрос о том, который народ нарушил договор,— вопрос, о котором мы много спорили,— был решен исходом войны, справедливым судью: он дал победу тем, за кем было право. (10) К Карфагену